

Ее рука лежала на моей ноге, давление ее пальцев было высоко на моем бедре. Мой член был твердым. Со своего места я мог видеть ее блузку, прямо вниз, в обрывистое декольте, гладкие внутренние стороны ее больших грудей, прижатых друг к другу и образующих соблазнительную складку.

Я был так возбужден, что мог бы просто просунуть туда руку и сжать груди. Почти так и сделал. Желание разгоралось во мне, и я действительно нуждался в разрядке, похоть делала меня безрассудным.

"Не упади", - сказала она, как будто я сделал это нарочно.

"Не волнуйся", - сказал я ей. Она почти закончила".

Ее пальцы сжали мое бедро, а затем скользнули на дюйм или два выше. Прямо над гребнем моего члена, где он был зажат в одежде.

Она издала небольшой крик, а затем отпустила. Лестница покачнулась на пару опасных секунд, затем выпрямилась, а я почувствовал, как страх сжимает мои внутренности.

"Извините", - пролепетала она, запыхавшись, ее лицо покраснело. "I ... I ... Я не хотела..."

Я забыл об ангеле, смесь возбуждения и унижения охватила меня, когда я спустился с лестницы.

"Черт", - шипел я, близкий к панике.

Мы находились в ее гостиной; это место было мне хорошо знакомо, потому что я знал его всю свою жизнь. Комплект из трех предметов был новым, как и ковер, но старый валлийский комод стоял здесь столько, сколько я себя помню, его полки были почти полностью заставлены яшмовой посудой Wedgewood, которую она собирала по крайней мере четыре десятилетия. Некоторые из этих керамических изделий были подарками от меня. Даже когда пьянящее сочетание сильного возбуждения и испуга смешалось с унижением, я все еще смутно осознавала, что с висевшей на стене фотографии на меня смотрит портрет моего покойного деда. Он как будто знал, о чем я думал, как будто знал, что я воцелил его вдову и дрожал себя до оргазма, представляя всевозможные развратные действия с ней.

Это было видно по выражению его лица, по жесткому взгляду, устремленному на меня: Инцест, грязный маленький ублюдок. Она твоя бабушка. Ты не можешь трахать мать своей собственной матери.

И я знал, что он был прав, глядя на меня. Я понимал, что это неправильно - дрожить, представляя себе сиськи моей бабушки, но, дело в том, что она была слишком сексуальна и прекрасна, чтобы я мог отказаться от этого.

Я швырнул фигурку ангела на трехместный диван, щеки пылали, кишки сводило от ужаса перед тем, что она может сказать.

"Бабушка, прости меня", - пролепетала я.

Ее глаза расширились, когда она смотрела на меня с расстояния в несколько футов.

Моя бабушка таращилась полминуты или больше, ее взгляд был прикован к моему лицу, а выражение лица медленно менялось от шока к недоумению. Я видела, как ее взгляд переместился с меня на высокую елку слева от меня. Затем она посмотрела на статуэтку, которую я бросил на диван.

"Мне очень жаль", - сказал я, повторив извинение, потому что мне больше нечего было сказать. А что я могла сказать? Какими словами я мог бы развеять ужас от того, что моя собственная бабушка прикасается к моему стояку?

Она продолжала смотреть на меня еще мгновение, затем моргнула и втянула воздух. Она слабо улыбнулась мне, в ее взгляде было больше недовольства, чем чего-либо еще.

Она удивила меня своим ответом.

"За что?" - спросила моя бабушка. Она пожала плечами и добавила: "Ты не сделала ничего плохого. Это я виновата в том, что дотронулась до тебя там".

Моя бабушка снова посмотрела на фигурку ангела. Затем она перевела взгляд на верхушку елки, где сверкали висящие безделушки, гирлянды, разбросанные по всей округе и только и ждущие щелчка выключателя, чтобы начать мигать и перемигиваться.

"Возвращайся на лестницу, Дэниел", - сказала она. "Закончи работу, а? Тогда мы сможем выпить чашечку хорошего чая".

Доверьтесь ей, она использует чашку хорошего чая как лекарство от всех болезней и социальной неловкости.

"Ты уверена?" сказал я, глядя на нее, мое лицо все еще было горячим.

Она кивнула и улыбнулась. "О, да. Я уверена. Не будь глупым. Давай, возвращайся на лестницу. Остался только ангел".

Желание снова заскользило по мне, когда я взялся за пару первых перекладин на стремянке. Я поднялся еще на метр выше и посмотрел вниз, чтобы увидеть прореху ее блузки.

"Давай", - сказала она, прерывая быстрые порывы фантазии в моей голове. "Вот, положи ее сверху".

Я взял ангела из бабушкиных пальцев и сделал еще один шаг вверх.

"Осторожно", - сказала она, положив руку мне на ногу.

От ее прикосновения я пошатнулся, и она снова закричала, прижимаясь ко мне.

"Боже, Дэниел! Будь осторожен", - вскрикнула моя бабушка. "Не падай. Я держу тебя", - закончила она."

Я задохнулся и сделал паузу, моргая, когда еще раз взглянул вниз на ее декольте, глубокая складка была магнитом для моего взгляда, мой член был в полном возбуждении.

"Хорошо", - задыхался я, стремясь поскорее закончить работу и спуститься с лестницы. Еще немного отвлечения из-за ее сисек, и я бы точно упал на пол.

Я хотел, чтобы проклятый ангел оказался на вершине дерева, чтобы я мог слезть с лестницы, выйти из дома и уйти от нее, чтобы успокоиться и дать своей эрекции утихнуть. Если я не уйду в ближайшее время, то сойду с ума от желания. Нахождение рядом с ней сводило меня с ума. Никакая чашка чая не могла успокоить хищного зверя внутри меня. Единственное лекарство было в том, чтобы подергать мой член и заставить сперму выплеснуться из него.

Наконец ангел была установлена, и я только что испустил вздох облегчения, когда ее рука нашла гребень моего члена.

Я услышал, как моя бабушка прошептала: "О, Боже, он такой чертовски твердый".

Затем она посмотрела мне в лицо, на его чертах появилось странное выражение.

"Это из-за меня?" - пробормотала бабушка, слова сгустились и затвердели.

Ее глаза вытягивали из меня правду. Я посмотрела на ее лицо и просто призналась ей в этом.

Я кивнула и проглотила: "Да".

Она смотрела на меня, как мне показалось, очень долго. Я все еще стоял на лестнице, совершенно неподвижно, наши взгляды были заперты, пока ее пальцы очень нежно ласкали контур моего члена.

"И ... Я думаю, тебе стоит спуститься сюда", - шепотом сказала моя бабушка.

Я остался на месте, ее пальцы все еще сжимали мой член, сперма сползала в мои боксеры. Я чувствовал, как слизь стекает в трусы, как во мне бурлит похоть.

Я заикался: "Что ты собираешься делать?".

Моя бабушка вздохнула, ее взгляд был прикован к моему лицу, она медленно покачивала головой из стороны в сторону.

Пока я наблюдал за ней, ее горло сжалось. Она проглотила и сказала: "Я не знаю. Но я хочу, чтобы ты спустился оттуда, Дэниел".

Я впервые узнал свою бабушку как женщину, как человека, на самом деле, в ее пятьдесят девятый день рождения. Это было еще в сентябре, как всегда, большой праздник. Моя мать склонна к пышным празднествам. Она заработала много денег благодаря успешной карьере; и поскольку у нее есть средства, она бросает деньги на все, что связано с семьей. Ее сестре нужна новая машина, моя мать "одолжит" ей денег. День рождения? Давайте сделаем ее грандиозной.

Итак, мы были в функциональном зале лучшего заведения в городе. Шикарный шведский стол и бесплатный бар. Там было оживленно, свет был приглушен, потому что почетный гость был на подходе. Затем появилась моя бабушка, белое платье-футляр плотно облегалo ее тело, и от этих изгибов мой подбородок упал на пол.

С каких это пор моя бабушка стала сексуальной?

Я подумал, что она выглядит сенсационно, настоящая гламурная девушка с акрами декольте на дразнящей демонстрации, ее грудь выпирает из платья, свежеевыкрашенные медово-блондинистые волосы - произведение искусства в непринужденной, беспорядочной манере, которые она заколола на макушке, радуя свою семью и друзей.

Эффект, произведенный на меня, стал поворотным событием в моей жизни. В тот определяющий момент я мгновенно возбудился, уже думая о том, как бы освободить ее грудь и пососать ее соски. Я думал о платье, задравшемся до бедер, когда она наклонится вперед и позволит мне трахать ее киску сзади. Я мог бы сжимать ее большие груди и трахать ее тело, извергая свои потребности внутри нее, когда я задышался, стонал и говорил ей, что люблю ее.

Когда она подошла ко мне и предложила свою щеку для поцелуя на день рождения, у меня возникло искушение поцеловать ее в рот и подсунуть ей язык, ночь и вид заперлись в моем сознании, чтобы я мог часто мастурбировать и думать грязные мысли, выплескивая сперму,

когда я стонал, задыхался и вождедел тело моей бабушки.

После этого я не мог держаться подальше от ее дома. Я находил предлоги, чтобы навещать ее. Я делал для нее мелкие ремонтные работы, возил ее по магазинам, подвозил в аэропорт - и забирал из аэропорта, когда она уезжала на солнечные каникулы за несколько дней до того, как мы в ее гостиной наряжали рождественскую елку.

Неделя, которую она провела в отъезде, была для меня пыткой. Я представляла, как моя бабушка трахается с каким-то случайным любовником. Было ужасно думать о том, как она раздвигает ноги и стонет, когда мужчина вводит свой член в ее киску. Мучаясь, я представляла, как она лежит у бассейна, ее кожа загорелая и блестящая от лосьона, а кто-то другой лапает ее сиськи и целует ее рот.

По дороге из аэропорта я все время смотрела на ноги бабушки, на ее юбку, высоко задравшуюся на бедрах, и зависть завибрировала во мне, когда она болтала без умолку, рассказывая о том, как прекрасно провела время. Я хотела спросить, не встречала ли она мужчин, но не могла найти подходящего способа сделать это, мое внимание переместилось на ее бедра, пока я успокаивала себя тем, что она не упоминала ни одного нового мужчину в своей жизни, а значит, его и не было.

Когда приближалось Рождество, я отвез ее в город, чтобы она могла купить рождественские подарки, парковка была кошмаром, магазины - огромной схваткой регби, люди сходили с ума.

Потом она упомянула, что елка уже доставлена, и я, конечно же, вызвался помочь ее нарядить.

<http://erolate.com/book/2299/59877>